

[Рец. на: / Review of:] **O. Bond et al. (eds.), Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective.** Oxford: Oxford University Press, 2016. 303 p. ISBN 9780198747291.

Дмитрий Сергеевич Ганенков

Dmitry S. Ganenkov

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; d.ganenkov@gmail.com

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; d.ganenkov@gmail.com

Рецензируемая монография посвящена исследованию согласования в арчинском языке в описательном и теоретическом аспектах. Основным мотивом для написания этого коллективного труда послужили типологическое своеобразие арчинского согласования и стремление выяснить, достаточен ли теоретический инструментарий трех основных направлений современного генеративного синтаксиса — лексико-функциональной грамматики (Lexical-Functional Grammar, LFG), вершинной грамматики составляющих (Head-driven Phrase Structure Grammar, HPSG) и минимализма (Minimalism) — для объяснения нетривиальных фактов арчинского языка. Публикация является основным результатом исследовательского проекта, выполненного в Суррейской морфологической группе, одному из основных центров типологически ориентированных исследований по согласованию.

Основная цель проекта и монографии — провести контролируемый эксперимент, используя один и тот же набор исходных языковых данных, ранее не подвергавшихся теоретическому анализу в основных моделях теоретического синтаксиса, и проверить, как исходные допущения и архитектура той или иной теории влияют на аналитические решения и эмпирические предсказания в рамках этой теории. Выбранное в качестве испытательного полигона явление — согласование как на уровне клаузы, так и в рамках именной группы — представляет собой одно из наиболее важных и обсуждаемых на протяжении всей истории современной теоретической лингвистики явление. При этом факты арчинского согласования достаточно любопытны и потенциально могут представлять сложность для теоретического анализа, а потому вызывают интерес у синтаксистов и заслуживают специального внимания.

Будучи во многих отношениях вполне типичным представителем нахско-дагестанской семьи, арчинский язык дает представление о согласовании в этой языковой семье в целом, а рецензируемое издание, с одной стороны, задает стандарт описания согласования в нахско-дагестанских языках, а с другой стороны, показывает основные аналитические опции, возникающие при анализе фактов нахско-дагестанского согласования по именному классу. Различаясь по целому ряду параметров, выбранные теоретические модели достаточно развиты и обладают достаточно богатым арсеналом для анализа сложных согласовательных систем типа арчинской. Одной из существенных проблем в теоретическом анализе синтаксиса малых языков остается ограниченный доступ к исходным эмпирическим данным, поскольку имеющиеся описания редко содержат полную картину, необходимую синтаксисту для полноценного анализа интересных языковых фактов. Рецензируемая монография частично решает эту проблему за счет сотрудничества между полевым лингвистом, ответственным за сбор и первичную интерпретацию фактов арчинского языка (М. Э. Чумакина), специалистами по типологии согласования (Г. Корбетт, Д. Браун и О. Бонд), а также тремя приглашенными экспертами, каждый из которых входит в число лидеров своего направления: Р. Борсли (HPSG), Л. Садлер (LFG), М. Полинская (Minimalism).

Поскольку подробное описание арчинской грамматики доступно только на русском языке, значительную часть объема занимает изложение базовых фактов. Хотя монография во многом повторяет имеющуюся работу А. Е. Кибрика [1977], описание в ней выстроено

в соответствии с принятым в типологии форматом, последовательно характеризуя согласование в терминах областей, мишеней и контролеров. Монография тем самым имеет не только теоретическую, но и описательную ценность и, будучи первым подробным описанием арчинского согласования на английском языке, будет доступна весьма широкой аудитории.

Книга состоит из восьми глав. Первая глава «Введение» подробно описывает исходные мотивы, послужившие стимулом для написания монографии: необходимость разработки методики для сопоставления синтаксических теорий, типологическая нетривиальность арчинского согласования как удобный полигон для тестирования и, наконец, центральная роль согласования в теоретическом анализе морфосинтаксиса. Введение также содержит краткую характеристику трех выбранных синтаксических теорий, эксплицирует используемую при описании согласования терминологию, а также описывает структуру последующего изложения. Вторая глава «Основы арчинской грамматики» представляет собой введение в арчинский язык: указаны географическое положение, генеалогическая принадлежность и социолингвистический статус арчинского языка, кратко описывается его фонология, характеризуется категория именного класса, ее значения и морфологическое выражение классно-числовых значений, а также дается краткое описание именной и глагольной морфологии.

Глава 3 «Области и мишени согласования» представляет собой подробное описание синтаксиса согласования в двух основных синтаксических областях: именной группе и клаузе. Каждая из областей обладает своим набором мишеней согласования. В именной группе это вполне ожидаемый набор, который включает разнообразные модификаторы вершинного имени, несущие суффиксальный показатель согласования по классу с вершинным именем, как, например, прилагательные, указательные местоимения, посессивные формы личных местоимений и числительные. В рамках клаузы основной мишенью согласования является лексический глагол и, при наличии, также вспомогательный глагол, в базовой эргативной конструкции согласующиеся с аргументом в абсолютиве (т. е. субъектом непереходного глагола или прямым объектом переходного глагола), см. пример (1а) ниже. В клаузе, однако, возможны и типологически более редкие мишени согласования, такие, например, как падежные формы личных местоимений, наречия, послелоги и клитические частицы, также демонстрирующие префиксальное / инфиксальное согласование с абсолютивным аргументом клаузы. Тем самым согласование на уровне клаузы, как и падежное оформление основных глагольных аргументов, функционирует на эргативно-абсолютивной основе. Хотя клаузальное согласование и согласование в именной группе в целом существуют независимо и в большинстве случаев проявляются на разных мишенях, они имеют и точку пересечения. Причастные формы глагола участвуют как в клаузальном, так и в атрибутивном согласовании, показывая классно-числовые характеристики абсолютивного аргумента своей клаузы в префиксальной позиции и классно-числовые характеристики вершинного (релятивизуемого) имени в суффиксальной позиции.

Глава 4 «Конкуренция контролеров и согласовательный потенциал» обсуждает сложные согласовательные контексты, а также затрагивает проблему лексических ограничений на согласование по классу. К сложным согласовательным контекстам традиционно причисляются конструкции с сочиненными именными группами, где потенциально / типологически возможно согласование либо со всей сочиненной группой, либо с первым конъюнктом, либо с ближайшим конъюнктом. В этом отношении арчинский язык ведет себя относительно тривиально: разрешено только согласование со всей сочиненной группой, но не с одним конъюнктом. Другой согласовательный контекст, рассматриваемый в этой главе, показывает более нетривиальное поведение. В конструкциях с количественными числительными вершинное имя, как и в других нахско-дагестанских языках, стоит в единственном числе. Внутри именной группы атрибутивные модификаторы, включая само числительное, показывают согласование с вершинным именем по единственному числу, при этом согласование глагола с такой количественной группой может быть как по единственному, так и по множественному числу. Наконец, личные местоимения множественного числа также ведут себя нетривиально: вместо стандартного показателя множественного числа класса людей *b-* они

вызывают появление показателя *d-*, тождественного показателю множественного числа одного из неодушевленных классов (описательная и типологическая интерпретация этих фактов обсуждается в работах [Chumakina et al. 2007b; Corbett, Vaerman 2013]).

Особое внимание в главе 4 уделяется биабсолютивной конструкции (которая традиционно именуется «биноминативной» в московской кавказоведческой традиции). В отличие от обычной эргативной конструкции переходного предложения, показанной в (1a), в биабсолютивной конструкции, проиллюстрированной в (1b), и субъект, и объект переходного глагола в аналитической видо-временной форме оформлены абсолютивом.

- (1) a. *But:a-mu buq' b-e(r)k'u-r-ši b-i.*
 Бутта(1)-ERG зерно(III)[ABS] III.SG-(IPFV)выбирать-IPFV-CVB III.SG-быть.PRS
- b. *But:a buq' b-e(r)k'u-r-ši w-i.*
 Бутта(1)[ABS] зерно(III)[ABS] III.SG-(IPFV)выбирать-IPFV-CVB I.SG-быть.PRS
- (a = b) 'Бутта чистит зерно' (с. 91).

Как указывалось выше, на уровне клаузы согласование всегда происходит с аргументом в абсолютиве. Наличие двух абсолютивных аргументов в рассматриваемой конструкции вызывает вопрос о том, какой именно из них контролирует клаузальное согласование по именному классу. Как показано в данной главе, конкуренция между двумя абсолютивами разрешается в арчинском языке стандартным для нахско-дагестанских языков способом: абсолютивный субъект переходного глагола контролирует согласование вспомогательного глагола, тогда как абсолютивный прямой объект переходного глагола контролирует согласование лексического глагола. Согласуемые формы личных местоимений (датив местоимений первого лица) и согласуемая эмфатическая частица также согласуются с прямым объектом. Согласуемые наречия, однако, могут показывать согласование как с субъектом, так и с прямым объектом биабсолютивной конструкции в зависимости от их сферы действия. Наречия, модифицирующие событие (лексический глагол), согласуются с прямым объектом; наречия, модифицирующие пропозицию в целом, согласуются с субъектом.

Наконец, Глава 4 также затрагивает проблему лексических ограничений на согласование. В отличие от более привычных случаев согласования, когда любая мишень обязательно принимает показатель согласования, в арчинском языке, как и в других нахско-дагестанских, наличие согласовательного показателя является свойством конкретной лексемы (или даже конкретной словоизменительной основы). Тем самым ни одна из частей речи, которые потенциально могут быть мишенями согласования, не содержит исключительно согласуемые лексемы: согласуются лишь около трети глаголов, несколько наречий, один послелог и одна дискурсивная частица. При этом если какая-либо лексема (основа) специфицирована как согласующаяся, она всегда несет согласовательный показатель: данной основы без показателя именного класса просто не существует. Это, в частности, означает, что глагольное согласование по классу не ограничено финитными контекстами, а обязательно также и во всех типах нефинитных клауз.

Последующие три главы посвящены анализу изложенных фактов согласования инструментарием трех выбранных формально-синтаксических теорий. Глава 5 «Вершинная грамматика составляющих и природа согласования в арчинском языке», посвящена анализу арчинского согласования в рамках вершинной грамматики составляющих и написана одним из лидеров этого направления Р. Борсли. Глава также является первой работой, посвященной нахско-дагестанскому морфосинтаксису в рамках этой теории. Глава состоит из краткого введения в анализ согласования в рамках HPSG и собственно анализа согласования на уровне клаузы и в рамках именной группы в арчинском языке. HPSG известна как теория, в которой впервые в работе [Wechsler, Zlatić 2003] были различены две параллельных согласовательных спецификации контролера, именуемых INDEX и CONCORD (позже эти механизмы были имплементированы и в минимализме в виде Agree и Concord, см. минималистский анализ М. Полинской в главе 7). Клаузальное согласование

традиционно анализируется в HPSG как согласование по признаку INDEX, тогда как согласование модификаторов с вершиной именной группы представляется как согласование по признаку CONCORD. Тем самым двойственное поведение количественных групп, указанное выше, не представляет никаких сложностей для анализа в рамках HPSG. Для согласования на уровне клаузы эта теория предоставляет целый ряд аналитических опций, однако конкретно-языковая специфика арчинского (обязательное согласование по классу с невыраженными абсолютивными аргументами, наличие неглагольных мишеней согласования, независимость согласования от порядка слов, согласование в биабсолютивной конструкции) исключает анализ в терминах согласования с зависимой составляющей в абсолютиве или ограничений на порядок слов. Единственным выходом, заключает Р. Борсли, оказывается анализ в терминах ограничений на фразовую структуру предложения: согласование клаузальных составляющих всегда происходит с сестринской составляющей в абсолютиве. Примечательно, что этот вывод, в свою очередь, влечет последствия более общего характера. С одной стороны, он означает, что обычная эргативная конструкция переходного предложения имеет «плоскую» структуру в арчинском языке. С другой стороны, он предполагает, что невыраженные абсолютивные аргументы (например, нулевые местоимения, отсылающие к высоко активированным референтам) должны быть специфицированы в синтаксической структуре, что противоречит сложившейся в HPSG практике, согласно которой представление получают только поверхностно выраженные элементы.

Глава 6 «Согласование в арчинском языке: взгляд из лексико-функциональной грамматики», написанная Л. Садлер, предлагает анализ арчинского согласования в рамках LFG. Глава также начинается с краткого введения в LFG в целом и в подходы к согласованию в частности, а затем углубляется в обсуждение возможных решений для клаузального согласования и согласования внутри именной группы. Синтаксическое согласование в этой теории представляется в первую очередь как спецификация согласовательных признаков на уровне функциональной структуры, а не на уровне структуры составляющих. Важным в рамках LFG вопросом является вопрос о том, требует ли эргативно-абсолютивная природа арчинского согласования использования дополнительной грамматической функции *riv* в духе известной работы Й. Фалька [Falk 2006]. Подход с использованием грамматической функции *riv* был ранее использован О. И. Беляевым [Belyaev 2013] для описания личного согласования в языках даргинской группы. Л. Садлер отмечает, что хотя арчинское согласование может быть описано в LFG без обращения к *riv*, ввиду того, что эта функция кажется необходимой для анализа даргинских фактов, она принимает тот же подход с целью унификации анализа нахско-дагестанского согласования в LFG. Согласование остальных возможных в клаузе мишеней описывается через явное указание на контролер в лексическом представлении соответствующих единиц. Так, например, дативные местоимения получают спецификацию, согласно которой контролером согласования будет абсолютивный аргумент клаузы, в которой они находятся (технически это осуществляется при помощи «inside-out constraints», независимо существующих в аппарате LFG).

Глава 7 «Согласование в арчинском языке с точки зрения минимализма», написанная М. Полинской, показывает, что аналитические инструменты, выработанные в минимализме, вполне позволяют охватить факты арчинского согласования. В анализе М. Полинской, как и в ее других недавних работах о структуре клаузы в дагестанских языках [Gagliardi et al. 2014; Polinsky 2016], признак класса располагается на функциональной вершине *v* и получает значение за счет операции *Agree*, устанавливающей связь между этой вершиной и ближайшим в ее структурной области аргументом в абсолютиве.

Приписывание падежа, а также согласование по классу в анализе Полинской происходит в рамках расширенной глагольной группы *vP*, что объясняет, почему нефинитные клаузы, представляющие собой структуры, меньшие, чем *TP*, демонстрируют те же свойства относительно падежа и согласования, что и финитные клаузы. Биабсолютивная конструкция отличается от обычной переходной свойствами функциональной вершины *v*. В отличие от *v* в переходной конструкции, которая приписывает эргативный падеж и роль агенса,

v в биабсолютивной конструкции имеет специальную аспектуальную интерпретацию (имперфектив) и приписывает абсолютив именной группе, находящейся в ее спецификаторе. Таким образом, вершина v в биабсолютивной конструкции означает свой признак класса уже на ближайшей (агентивной) ИГ и никогда не получает признак класса от абсолютивного аргумента. М. Полинская предлагает считать, что согласуемые наречия образуют отдельный синтаксический класс и наличие классного показателя в морфологической структуре этих наречий тем самым представляет собой следствие их специального морфосинтаксического статуса, а не некую случайность. В заключении раздела о клаузальном согласовании М. Полинская выдвигает гипотезу, согласно которой отсутствие морфологического согласования у стативов связано со специальным синтаксическим статусом их абсолютивного аргумента: в отличие от обычных абсолютивов, лицензируемых функциональной вершиной v, абсолютивы при стативных глаголах являются косвенными аргументами (комплементами нулевого послелога) и не способны контролировать согласование. Признак класса стативного предиката в этом случае получает дефолтное значение IV класса единственного числа, выражаемого нулевым показателем. Таким образом, видимое отсутствие согласования на деле представляет собой нулевой показатель дефолтного согласования. Наконец, М. Полинская рассматривает согласование в именной группе. Общая идея анализа атрибутивных модификаторов сводится к их представлению как редуцированных относительных предложений. Префиксальное согласование представляет собой обычное клаузальное согласование с (невыраженным) абсолютивным аргументом, тогда как суффиксальное согласование возникает как результат копирования согласовательных признаков с вершины на атрибутивный модификатор, а не означивание признаков функциональной вершины при помощи операции *Agree*.

Глава 8 «Арчинский язык как основа для сопоставления разных теорий», написанная Д. Брауном и П. Селлзом, завершает теоретическую часть и ставит своей целью провести, насколько это возможно, метатеоретическое исследование, то есть проанализировать сходства и различия в представленных выше теоретических анализах одного и того же исходного набора данных. Основное внимание здесь сосредоточено на биабсолютивной конструкции, поскольку, как отмечается в этой главе, наиболее существенное различие между теориями состоит в том, где локализована информация о ее синтаксической специфике. Если анализ согласования в обычной эргативной конструкции в целом не представляет сложностей, то в биабсолютивной конструкции каждая из теорий должна каким-то образом разграничить две отдельные области согласования («нижнюю», включающую лексический глагол и прямой объект, и «верхнюю», включающую вспомогательный глагол и субъект), при том, что конструкция является моноклаузальной. В главе 8 выделено четыре свойства, которые в каком-то виде должны присутствовать в любом теоретическом анализе биабсолютивной конструкции: (i) специальные по сравнению с обычной переходной конструкцией свойства (формы) лексического глагола, (ii) специальные по сравнению с обычной переходной конструкцией свойства вспомогательного глагола, (iii) механизм, обеспечивающий вложенность глагольной группы в клаузу, (iv) определение структурной области, сформулированное таким образом, чтобы она содержала только одну именованную группу в абсолютиве. Опираясь на аналитическое обсуждение арчинского согласования в HPSG, LFG и минимализме, Д. Браун и П. Селлз рассматривают, как каждая из этих теорий имплементирует четыре указанных свойства, и анализируют сходства и различия между теориями. Имплементация первых трех свойств сближает HPSG и LFG, противопоставляя их минимализму, тогда как последнее свойство — определение структурной области, содержащей только один абсолютивный аргумент, — реализуется уникальным для каждой теории способом. В HPSG две области согласования создаются за счет структуры составляющих: биабсолютивная конструкция имеет иерархическую структуру с VP, тогда как обычная эргативная конструкция реализуется как «плоская» структура, включающая субъект, прямой объект, лексический глагол и вспомогательный глагол как сестринские составляющие. В LFG два разных контролера согласования возникают за счет использования двух разных грамматических функций: в дополнение к стандартно контролирующей согласование составляющей с функцией *rg*,

в биабсолютивной конструкции согласование чувствительно к абсолютивной именной группе с функцией *subj*. Наконец, в минимализме область согласования ассоциирована с функциональной вершиной *v*, при этом в биабсолютивной конструкции вспомогательный глагол лексикализует отдельную вершину *v*, приписывающую абсолютивный падеж субъекту.

Браун и Селлз заключают, что, несмотря на сложность сравнения теорий, разные синтаксические теории делают разные эмпирические предсказания, а значит, могут быть сопоставлены, в частности, путем выделения абстрактных ключевых свойств, подобных тем, что приведены выше. Несмотря на относительно локальный характер этих параметров, они позволяют сравнить теории в терминах соответствия эмпирическим фактам, последовательности и элегантности теоретических решений. Выявление таких точек, которые должны присутствовать в любом теоретическом анализе, и сопоставление способов, которыми каждая из теорий решает вопрос их реализации, может показать, какие исходные допущения того или иного направления синтаксического анализа действительно важны для общей синтаксической теории.

Рецензируемая монография ценна в целом ряде отношений. Во-первых, являясь первым последовательным описанием арчинского согласования на английском языке, монография вводит в научный оборот языковые факты, ранее недоступные большинству исследователей, и тем самым окажется полезной всем интересующимся типологией согласования. Эта часть, несомненно, имеет непреходящее значение. Во-вторых, это одно из немногих, если не единственное, издание, которое не только вводит новые эмпирические факты малого языка в научный оборот, но также дает синтаксический анализ этих фактов в трех разных направлениях генеративного синтаксиса. В этом отношении издание привлечет внимание сторонников обсуждаемых формально-синтаксических теорий и, возможно, послужит катализатором для дальнейших теоретических спекуляций о природе и механизмах согласования в рамках этих теорий. Следует отметить, тем не менее, что, несмотря на провозглашаемую в описательной части монографии уникальность арчинского согласования, современные синтаксические теории обладают достаточно богатым инструментарием и способны инкорпорировать факты арчинского согласования без каких-либо серьезных затруднений. Как неоднократно подчеркивается в теоретических главах монографии, все, даже относительно сложные, факты арчинского согласования получают довольно прямолинейное объяснение в рамках выбранных синтаксических направлений и в целом не требуют введения новых или существенной модификации уже существующих инструментов. Как описательная часть, так и теоретические главы, безусловно, представляют собой важный шаг в исследовании нахско-дагестанских языков и могут служить основанием и моделью для описания и теоретического анализа согласования в других языках семьи. В-третьих, и это наиболее оригинальный компонент проекта, книга включает метатеоретическое размышление, которое, безусловно, будет полезно всем, кто интересуется методологическими основами синтаксического анализа и ролью различных компонентов языковой структуры (структура составляющих, порядок слов, падеж, синтаксические функции) в согласовании.

В целом проект по эмпирическому и теоретическому исследованию арчинского согласования и монографию, являющуюся его основным результатом, можно считать удачными. Теоретические главы, включенные в издание, не предполагают глубокого знакомства с синтаксическими теориями, а кроме того, содержат краткое введение в принципы анализа согласования в этих теориях, а потому, как представляется, будут особенно полезны для всех желающих углубить свое понимание теорий и ознакомиться с их применением на материале языков, отличающихся от средневропейского стандарта.

Вместе с тем, нисколько не умаляя достоинств книги, можно отметить ряд ее недостатков. Во-первых, двойственное ощущение оставляет эмоциональный диссонанс между описательной частью и теоретическими главами. С одной стороны, авторы вводной и описательных глав многократно подчеркивают типологическую уникальность фактов арчинского согласования, создавая у читателя ожидания сложностей с их теоретической трактовкой в последующих главах. С другой стороны, собственно теоретические главы не содержат

и намек на то, что поверхностная уникальность арчинского согласования представляет проблемы для технического аппарата той или иной теории. Эмоциональное отношение авторов описания к нетривиальным фактам «своего» языка вполне понятно, однако, как видно из монографии, одних только экзотических фактов оказывается недостаточно, чтобы бросить вызов сколько-нибудь развитой современной формально-синтаксической теории. Если тестирование описательной адекватности существующих теорий на материале новых эмпирических данных считать важной исследовательской задачей, то лучшего результата, как кажется, можно ожидать только при целенаправленном подборе условий, в которых теории потенциально могут дать сбой, что требует хорошего понимания теории и проверки сконструированных конфигураций, а это, в свою очередь, требует доступа к носителям языка.

Во-вторых, легкость, с которой современные теории способны инкорпорировать новый языковой материал, несомненно, свидетельствует об их большой объяснительной силе. Возникает, однако, вопрос о том, не слишком ли велика предсказательная сила этих теорий, то есть насколько верно теории предсказывают невозможность тех или иных конструкций. Хотя каждая из теоретических глав уделяет некоторое внимание этому аспекту, в частности, при анализе согласования в биабсолютивной конструкции, избыточное порождение (*over-generation*), как кажется, могло бы стать предметом отдельного обсуждения как в собственно теоретических главах, так и в особенности в заключительной, метатеоретической главе.

В-третьих, несмотря на большое внимание, уделяемое в монографии биабсолютивной конструкции, авторы описания упустили как минимум один важный факт: «нижний слой» биабсолютивной конструкции, лексикализуемый смысловым глаголом, лицензирует эргативный падеж. Это можно наблюдать в предложениях с реципрокальным местоимением, как показано в примере (2)¹.

- (2) *je-b halmaχ-til os-mi-s os-mi χ^ooʃon-um*
 этот-PL друг(1)-PL(ABS) один-OBL-DAT один-OBL(ERG) платье(III)-PL(ABS)
a-r-ʃi b-i.
 [III/IV.PL.]делать-IPFV-CVB I/II.PL.-быть.PRS
 ‘Эти подружки шьют друг другу платья’.

Одна из особенностей реципроков в дагестанских языках состоит в том, что каждая из частей составного реципрока несет свой падеж: одна часть стоит в падеже antecedента, другая — в падеже связываемого аргумента. В примере (2) первая составного реципрока маркирована дативом, а вторая — эргативом. Датив представляет собой падеж связываемого аргумента и потому не вызывает вопросов. Эргатив, однако, не соответствует, как ожидалось бы, падежу antecedента, так как поверхностный субъект в этом предложении выражен абсолютивом. Единственным источником эргатива на реципроке может быть лексический глагол и тем самым естественно предположить, что конструкция содержит невыраженный субъект лексического глагола в эргативе, который и является истинным antecedентом реципрока. Таким образом арчинская биабсолютивная конструкция, структура которой схематично представлена в (3), сближается по своим свойствам с хорошо известными конструкциями «реструктурирования» (*restructuring*) и требует еще меньших аналитических усилий, чем представлено в текущих вариантах анализа в теоретических главах.

- (3) [*je-b halmaχ-til_i [____i os-mi-s os-mi*
 этот-PL подруга(II)-PL(ABS) ERG один-OBL-DAT один-OBL(ERG)
χ^ooʃon-um a-r-ʃi] b-i]
 платье(III)-PL(ABS) [III/IV.PL.]делать-IPFV-CVB I/II.PL.-быть.PRS
 ‘Эти подружки шьют друг другу платья’.

¹ Я благодарен М. Э. Чумакиной за предоставленный пример. Пример был подтвержден одним информантом и требует дальнейшей проверки. Учитывая, однако, что подобное поведение реципроков в биабсолютивной конструкции весьма характерно для дагестанских языков (см. [Ganenko, in print]), я исхожу здесь из того, что этот пример отражает истинное положение дел.

Наконец, оставляя детальный разбор за рамками настоящего обсуждения, следует отметить, что представленные в монографии варианты анализа в рамках трех формально-синтаксических теорий вряд ли можно считать окончательными. Ограничусь в качестве примера только одной иллюстрацией на материале наиболее хорошо известного мне направления, минимализма. Как указано выше, отсутствие морфологического согласования у стативов М. Полинская предлагает считать следствием специального статуса их абсолютного аргумента, глубинно представляющего собой комплемент нулевого послелога в послеложной группе. Хотя в целом подобное сведение казалось бы случайных фактов поверхностной морфологии к базовым синтаксическим принципам следует только приветствовать, можно показать, что это аналитическое решение противоречит наблюдаемым эмпирическим фактам. В частности, другие согласуемые на уровне клаузы элементы, как, например, датив местоимения первого лица единственного числа или наречия, в предложениях со стативами не выражают дефолтный признак, как это ожидалось бы при анализе М. Полинской, а отражают свойства абсолютного аргумента стативного глагола, как видно из примера (4).

- (4) *w-ez* *to-w* *sini*.
 I.SG-1SG.DAT TOT-1.SG.NOM знать
 ‘Я его знаю’ [Chumakina et al. 2007a].

Морфологический признак первого (мужского) класса единственного числа, видимый в данном примере в составе дативного местоимения, свидетельствует о том, что абсолютивная именная группа в конструкциях со стативами представляет собой обычный клаузальный аргумент, способный регулярным образом контролировать согласование. Хотя М. Полинская и не предлагает в своей главе конкретного механизма, ведущего к появлению согласования на дативном местоимении первого лица, такое поведение местоимений очевидным образом невозможно увязать с идеей о нулевом дефолтном согласовании стативов (аналогичные примеры с согласуемыми наречиями также противоречат ей).

Подобная нескоординированность разных частей анализа и прочие недостатки, которые можно обнаружить в каждой из теоретических глав, несколько не уменьшают их ценности и, несомненно, являются нормальной частью исследовательского процесса. К сожалению, интенсивного дальнейшего обсуждения предложенных теоретических решений ожидать не приходится вследствие чрезвычайной ограниченности компетентной целевой аудитории. В идеале такая аудитория должна одинаково хорошо владеть техническим аппаратом той или иной теории и хотя бы сколько-нибудь глубокими общими знаниями о структуре нахско-дагестанских языков. В реальности же, по-видимому, предложенные теоретические решения будут, с одной стороны, приняты на веру адептами соответствующих синтаксических теорий и, с другой стороны, проигнорированы подавляющим большинством специалистов по нахско-дагестанским языкам, в лучшем случае равнодушно относящихся к формальному синтаксису.

В заключение следует отметить, что, несмотря на всю ценность данного эксперимента, остается неясным, насколько его воспроизведение имеет смысл на материале других языков, языковых явлений или с иным набором лингвистических теорий. Синтаксические теории заметно различаются в том, на какие фрагменты синтаксической структуры ложится основная нагрузка по объяснению эмпирических фактов. Хотя исследования, подобные рецензируемому, и необходимы для выявления оптимального распределения нагрузки между разными компонентами теоретического аппарата в рамках «межконфессионального» диалога, перспективы последнего, однако, остаются туманными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кибрик 1977 — Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 3: Динамическая грамматика. М.: Изд-во МГУ, 1977. [Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka*. T. 3:

- Dinamicheskaya grammatika* [An attempt of a structural description of Archi. Vol. 3: Dynamic grammar]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1977.]
- Belyaev 2013 — Belyaev O. Optimal agreement at m-structure: Person in Dargwa. *Proceedings of the LFG13 Conference*. Butt M., King T. H. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2013. Pp. 90–110.
- Chumakina et al. 2007a — Chumakina M., Brown D., Corbett G. G., Quilliam H. A dictionary of Archi: Archi-Russian-English (Online edition). Univ. of Surrey, 2007. Available at: <http://dx.doi.org/10.15126/SMG.16/2>
- Chumakina et al. 2007b — Chumakina M., Kibort A., Corbett G. Determining a language's feature inventory: Person in Archi. Austin P. K., Simpson A. (eds.), *Endangered Languages*. Hamburg: Helmut Buske, 2007 (Linguistische Berichte. Special Issue. 2007. No. 14). Pp. 143–172.
- Corbett, Baerman 2013 — Corbett G., Baerman M. Person by other means. *Languages across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 1–14.
- Falk 2006 — Falk Y. *Subjects and Universal Grammar. An explanatory theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Gagliardi et al. 2014 — Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N. The biabsolutive construction in Lak and Tsez. *Lingua*. 2014. No. 150. Pp. 137–170.
- Ganenkov, in print — Ganenkov D. Ergativity in the Caucasus. *The Oxford handbook of the languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press (in print).
- Polinsky 2016 — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Wechsler, Zlatić 2003 — Wechsler S., Zlatić L. *The many faces of agreement*. (Stanford monographs in linguistics.) Stanford, California: CSLI, 2003.

Получено / received 16.04.2018

Принято / accepted 14.06.2018